

Они болтали о том о сём, как Вэнь Чаннин вдруг вспомнил о царящем в поместье Гу предпраздничном оживлении и спросил:

— Когда твоя сестра выходит замуж? Похоже, в резиденции Гу уже почти всё готово к свадьбе.

Гу Чанъянь ответил:

— Через три дня.

Услышав это, Вэнь Чаннин выпалил не задумываясь:

— Разве ты не пойдешь навестить её перед свадьбой?

Сказав это, Вэнь Чаннин сообразил, что они находятся в древности, а Гу Юэкоу — всего лишь дочь от наложницы, к тому же старшей, рожденной раньше него, законного сына. В эту эпоху, где столь трепетно относятся к различиям между законными детьми и детьми от наложниц, а также к правилам почтения и субординации, каковы были вообще шансы, что у них складывания теплые отношения?

Какое же это мерзкое феодальное общество, мысленно выругался Вэнь Чаннин.

Заметив, как Вэнь Чаннин молча смущается и корит себя за сболтнутую глупость, Гу Чанъянь любезно заговорил, разряжая обстановку:

— Мы со старшей сестрой не особо близки. С малых лет она воспитывалась при наложнице Фу, а мать с детства строго наставляла меня заниматься учебой и искусствами, поэтому мы не часто общались.

Гу Чанъянь не упомянул о том, что при жизни его матери их отношения с наложницей Фу были весьма натянутыми, а потому он старалсяшний раз не контактировать с той матерью и дочерью.

Но даже без его слов Вэнь Чаннин кое о чем догадывался.

Стоило вспомнить хотя бы то, что Гу Юэкоу родилась первой и была на несколько месяцев старше Гу Чанъяня, законного сына. А если прибавить к этому тот факт, что слуги в поместье Гу звали Гу Чанъяня не иначе как юным господином, а не вторым молодым господином, всё становилось очевидным само собой.

Продолжить беседу им не удалось: вернулся Чжао Лань с Тристасловием в руках.

Едва переступив порог, Чжао Лань затараторил:

— Брат Янь, я отыскал в своей комнате Тристасловие, по которому учился раньше. Посмотри, оно подойдет?

Конечно, подойдет. Обучать грамоте взрослого человека было не так хлопотно, как возиться с маленьким ребенком.

Гу Чанъянь взял Тристасловие и велел Вэнь Чаннину сесть рядом с ним.

Чжао Лань не стал выходить обратно: отыскав на полке занятую книжицу, он уселся на циновке, поджав ноги, и с увлечением принялся за чтение.

Гу Чанъянь начал обучение с первых строк: Небо и земля, черное и желтое.

Вэнь Чаннин в прошлом уже читал Тристасловие, и первые фразы еще не стерлись из памяти, но стоило дойти до восьмого иероглифа, как он посмотрел на него с удивлением.

В самом Тристасловии Вэнь Чаннин знал, как тот читается, но если вырвать этот иероглиф из контекста, он вполне мог его не узнать.

Эх, нелегка жизнь, мысленно вздохнул Вэнь Чаннин.

В дальнейшем, сталкиваясь с незнакомыми иероглифами, Вэнь Чаннин очень осторожно и аккуратно выписывал кистью пиньинь прямо рядом с ними.

Узнав произношение, но так и не поняв значения, Вэнь Чаннин принимался с усердием расспрашивать Гу Чанъяня, после чего коротко записывал перевод на полях.

Наблюдая за этим, Гу Чанъянь то узнавал некоторые знаки, то оказывался в полном тупике. Заметив написанный Вэнь Чаннином пиньинь, он нашел это весьма необычным и спросил:

— Что это за знаки?

Услышав это, Чжао Лань тоже подсел ближе и, глядя на незнакомые иероглифы, озадаченно протянул:

— Ой, а почему некоторые иероглифы, которые написал брат Чаннин, мне знакомы?

Вэнь Чаннин ответил:

— У нас с вами всё же много общего в историческом прошлом и прочем...

С трудом объяснив это совпадение, Вэнь Чаннин ответил на вопрос Гу Чанъяня:

— Это пиньинь. Различные фонетические знаки, объединяясь вместе...

Выслушав объяснение Вэнь Чаннина, Гу Чанъянь улыбнулся:

— И впрямь очень удобно.

За день Вэнь Чаннин выучил двести иероглифов. Уж запомнил он их или нет — вопрос другой, но он сразу пометил всё с помощью пиньиня.

Между делом Чжао Лань тоже присоединился к веселью и принялся учить Вэнь Чаннина грамоте.

Последние два дня Вэнь Чаннин по утрам учил иероглифы, а пополудни упражнялся в каллиграфии.

Занятия каллиграфией потребовали от Гу Чанъяня немалых стараний.

Хотя в детстве Вэнь Чаннин и занимался каллиграфией, у него была лишь самая базовая подготовка, которая шла в ни в какое сравнение с почерком Гу Чанъяня, писавшего кистью с малых лет — легким, текучим и абсолютно естественным.

Вэнь Чаннин молча запечатлел всю эту заботу в своем сердце.

В свободные минуты за последние два дня Вэнь Чаннин доставал два небольших ножа, которые привез с собой при перемещении в этот мир.

Ножи были складными, с очень острыми лезвиями, изготовленными по его специальному заказу. Под влиянием профессии Вэнь Чаннин потребовал, чтобы клинки были похожи на хирургические скальпели одиннадцатого номера, за исключением того, что они оказались втрое длиннее обычных.

Эти ножи служили ему для самообороны, а порой он использовал их, чтобы нарезать фруктов.

Вещей, захваченных с собой при переходе, было немного — эти два ножа как раз входили в их число, и с тех пор он всюду носил их с собой.

Ножи оказались удобными в носке и долговечными, и, судя по всему, им суждено было

остаться теми современными предметами, которыми Вэнь Чаннин станет пользоваться дольше всего.

Смартфон, заряд которого составлял меньше половины, Вэнь Чаннин тоже постоянно носил при себе, однако в целях экономии энергии аппарат был давно выключен.

Был у него еще и механический наручные часы. Если бы с ними что-то случилось, здесь не нашлось бы никого, кто смог бы их починить или обслужить.

Не снимая их только во время купания и сна, Вэнь Чаннин все последние два дня сверял время: сначала он прикинул по известным ему понятиям часа крысы и часа лошади, как они соотносятся с современным временем, затем расспросил Гу Чанъяня и изучил солнечные часы во дворе, после чего настроил часы с предельной точностью.

В дальнейшие дела с духами Вэнь Чаннин больше не вмешивался, полностью доверив их ведение Гу Чанъяню.

Сегодня уже приступили к пробному производству, правда, не в самом поместье Гу, и Вэнь Чаннин пока не знал, как там идут дела.

Что же до того, как Гу Чанъянь собирается отчитываться перед отцом по этому поводу, это Вэнь Чаннина уже не касалось.

В то время как Вэнь Чаннин занимался в кабинете беседки Тинчунь, Гу Чанъянь находился в кабинете собственного отца.

Гу Сюй, отец Гу Чанъяня, был самым молодым главой императорского секретариата в нынешней династии.

Он носил алые официальные одежды, отличался статной осанкой, благородной внешностью и ладным телосложением.

Гу Чанъянь походил на отца примерно наполовину.

Вэнь Чаннин впервые встретил в поместье Гу именно Гу Сюя, и когда он позже увидел Гу Чанъяня, у него в голове внезапно мелькнула мысль: судя по всему, лисьи глаза достались Гу Чанъяню по материнской линии.

В этот момент Гу Сюй с любопытством разглядывал сына, которого не видел уже два дня.

Гу Сюй слегка нахмурился: за два дня разлуки ему почему-то показалось, что в Гу Чанъяне что-то неумовимо изменилось.

Не сумев толком ничего заметить, Гу Сюй спросил:

— Янь-эр, чем ты занимался эти два дня?

Гу Чанъянь опустил взгляд и почтительно ответил:

— Отвечая отцу: эти два дня сын провел в кабинете, повторяя пройденные уроки.

— А зачем ты несколько дней назад снова ходил в храм Цзигуан?

— Сын отправлялся проститься с мастером Уюнем, но прибыл слишком поздно, и наставник уже ушел.

Гу Сюй отнесся к этому сдержанно.

— Это ты придумал так называемые духи?

В этом Гу Чанъянь признаться не мог: ведь в них была и пятипроцентная — нет, пятидесятипроцентная — доля Вэнь Чаннина.

— Не совсем. Я пообещал отдать половину прибыли тому, кто составил рецепт.

— И кто этот человек?

— ...

Гу Чанъянь хранил молчание, не произнося ни слова.

Гу Чанъянь не мог выдать существование Вэнь Чаннина отцу, иначе последствия оказались бы непредсказуемыми.

Спустя долгое время Гу Чанъянь наконец произнес:

— Я дал слово хранить это в тайне.

Обладавший невероятной властью Гу Сюй тем не менее ничего не мог поделать со своим одаренным законным сыном, и особенно после кончины госпожи Линь.

— ...

Снова воцарилось молчание.

— Хорошо, я не буду допытываться. Но впредь не смей отвлекаться на подобные пустяки. После встречи Нового года вернешься на учебу в Государственную академию, чтобы подготовиться к экзаменам в будущем году.

Зная, что сын всегда знает меру в своих поступках и ничего больше не добившись, Гу Сюй сменил тему.

<http://bllate.org/book/18800/1827389>